

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В «ТИСКАХ» ТЕРМИНОВ, ДЕФИНИЦИЙ, ПАРАДИГМ...

Монографии и статьи 90-х гг. XX в. и современная историческая научная литература наполнены лексикой, которая раньше могла расцениваться в кругах специалистов, а тем более кругах общественных и властных, как грубое искажение истины, исторической правды и даже аполитичной, а значит — крамольной. В особенности, если через словесные изощрения авторы стремились опровергнуть не только что-либо устоявшееся по смыслу и значению в области их профессиональных интересов, но и затронуть политические ориентиры, как известно, всегда опирающиеся на исторические доказательства. Язык историка продолжает пестреть и, по определению Дж. Оруэлла, «новоязом», и дефинициями и терминами, так сказать «староязовскими», но используемыми в значении противоположном ранее принятому и даже уничижительном. А для отражения данного уже нового значения эти слова-термины просто стали «одеваться» в кавычки, писаться то ли с большой, то ли с маленькой буквы. И если этот прием, ранее широко применявшийся, подчеркивал некую метафоричность, условность в обозначении исторического факта или явления (например, «холодная война», «шоковая терапия» и др.), то в последнее время он помогает авторам отразить свое негативное отношение и даже пренебрежение (несмотря на тацитовское правило относиться к прошлому без гнева и пристрастия) к, казалось бы, совершенно позитивно ранее воспринимавшимся понятиям, за которыми (по вчерашним оценкам) стояла объективная историческая реальность. Например, столь обостренно воспринимаемое во все времена понятие «национальная история» нередко стало «закавывиваться», дабы авторы могли тем самым выразить свое негативное отношение к его содержанию.

В особенности этот прием стал свойственен историографии тех стран, которые после распада СССР вдруг обрели суверенность. Как точно подмечено, «счеты между «своими» сводятся особенно жестоко, «своими» не прощается многое из того, что в «чужом исполнении» воспринималось бы значительно более терпимо» [34, с. 33]. Соответственно и историческая лексика стала радикализироваться, претендовать на отображение «истинно национальных» характеристик прошлого и настоящего.

Весь вопрос в многотрудном научном поиске историка заключается в том, чтобы как возможно ближе подвести друг к другу значения номинальных дефиниций к дефинициям реальным [3, с. 143]. Как показывает практика научного исторического исследования, сделать это чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Язык истории как науки наполнен специальными терминами, дефинициями, имеющими свое определенное значение в рамках конкретной теории, приверженцами которой, как правило, является лишь определенная часть ученых. А когда речь идет о представителях различных национальных историче-

Яновский Олег Антонович — заведующий кафедрой истории России БГУ, кандидат исторических наук, профессор

ских школ, то тем более научный аппарат их работ порой диаметрально противоположен по своему лексическому и смысловому наполнению. И тем самым путь к нахождению научной исторической истины становится и бесконечно длинным, и запутанным, и тернистым.

Например, уже многие поколения российских, украинских и белорусских историков по-своему пытаются наполнить содержанием столь значимые определения, как «этнос», «национальность», «народность», «нация». В этом ряду находятся и «краеугольные» для восточнославянской истории определения, обозначающие названия этносов и их государственности: украинцы (черкасы, малоросы...) — Украина, белорусы (литвины, белорусцы...) — Беларусь. В последнем случае для российского историка это конституционно определенное название государства как субъекта международного права почему-то остается Белоруссией. Казалось бы, богатейшая литература, специально посвященная изучению и исторических обстоятельств возникновения и эволюции всего разнообразия названий, и этимологии самих слов, уже где-то приблизилась к обозначению всех возможных вариантов и параметров, подходов и смыслового наполнения и т. д. [23]. А в белорусской историографии только за последние годы в этой связи подготовлены и защищены ряд диссертаций [6]. Но дискуссии продолжаются, проходя все новые и новые круги...

В последние годы определенным как издательским феноменом, так и естественным проявлением озабоченности историков разных (после распада СССР теперь уже суверенных) стран состоянием извечно острой проблемы соотношения имперских и национальных интересов, установок, политики стал регулярный выпуск объемного сборника научных статей под характерным названием «Ab Imperio». В нем четыре раза в год российские, украинские, белорусские, литовские, польские, молдавские, английские и других стран историки, филологи и иных наук ученые пытаются найти ответы на те вопросы, которые лежат в плоскости соотношения имперских и национальных интересов, установок, политики. Совершенно естественным в этом многообразии

подходов стали тема «языка самоописания Империи...» и тема соотношения исторической памяти и национальной парадигмы. Им посвящены специальные номера данного издания [35].

Авторы этого сборника в целом рассматривают языковые проблемы в историческом разрезе, исповедуя самые различные взгляды и подходы. В контексте наших рассуждений любопытна позиция известного ученого-языковеда, профессора В. Алпатова, который может себе позволить походя заявить, что «...также трудно назвать — с лингвистической точки зрения — отдельным языком белорусский» (в этом умозаключении слово «также» привязано к утверждению, что и «...боснийский язык — даже не язык всех боснийцев...») [7, с. 103]. Свои глубокомысленные выводы профессор делает, обращаясь к рассмотрению истории языковой (а в целом — национальной) политики в России. Он откровенно признает, что всегда существовало «стремление к ассимиляции», когда «предельным случаем ассимиляции» были украинцы и белорусы, «...где вообще вопрос ставился даже не в плане ассимиляции, а в плане постепенного стирания различий внутри русского этноса» [7, с. 105]. Столь откровенная позиция подкрепляется сравнением всегда существовавшей у российского руководства проблемы ассимиляции украинцев и белорусов в некоем едином русском этносе (что напоминает славянофильскую теорию XIX ст. т. н. «триединой русской нации» или их же проект «большой русской нации») с попытками разрешения «польского вопроса» [9, с. 135]. Он утверждает не без оснований, что «...поляки в общем ассимилировались плохо...», так как их трудно было обратить в православие [7, с. 109].

Столь долгое цитирование необходимо для иллюстрации современных и языково-терминологических проблем и, прежде всего, причин, их породивших. А они лежат как в области нашего знания и понимания исторического прошлого (разумеется, когда компетентность историка не разбавлена конъюнктурными установками), так и в области политической целесообразности, которой руководствовались во имя сохранения и укрепления российской государственности ее правители всех поколений. Как раз об этом счел необхо-

димым отметить В. Алпатов («...наука в основном была имперской, а не национальной» [7, с. 113]), тем самым как бы оправдывая имперский характер своих умозаключений.

Приходится констатировать, что и сегодня, по прошествии столетий, терминологическое и смысловое обеспечение российской истории как науки в значительной степени несет в себе отголоски великодержавности, непонимания проблем национальной истории соседних народов, тем более братских белорусов и украинцев. Не хотелось бы это состояние списывать на современные проблемы в развитии российской государственности. А между тем на правительственном уровне сегодня вполне перспективно выглядит программа-концепция Министерства регионального развития РФ, которая должна обеспечить формирование единого многонационального общества при «консолидирующей роли русского народа». Точно так же и политически, и по сути верно определение «русский народ и другие народы Российской Федерации», которое в своих публичных выступлениях постоянно использует российский президент. Перспективны с научной точки зрения и публикации в российских средствах массовой информации (в частности, в газете «Известия»), которые как бы отражают «глас народный» и обеспокоенность россиян терминологическим «разгулом», царящим в письменном и устном слове [15]. Хотелось, чтобы взвешенный, оправданный политически, современный подход в подборе тонких дефиниций распространялся не только на внутрисоветскую национальную проблематику, но и хотя бы на ближнее российское пограничье. А тем более исповедывался в ученом мире.

Вряд ли сегодня могут быть использованы, например, такие термины, дефиниции, установки из лексикона славянофилов и им подобных, как: «слить с остальной империей», «сплотить народ на платформе «истинной веры», «перевести католические религиозные издания на «весславянский русский язык», «создать «ближний круг» «большой русской нации» из неславянских народов» и т. д. Объектом научного изучения по-прежнему будет теория и практика панславизма и паннационализма. Однако перенос в современную науку их терминологии как облачения весьма специфических (читай — антинациональных) доктрин, слепое копирование языковых форм, использовавшихся прародителями и последователями этих глобальных по смыслу и охвату теорий, ни политически, ни тем более научно нельзя считать оправданным. И все же в научной исторической лексике продолжают свою «жизнь» некогда рожденные «на злобу дня тогдашнего» вышеназванные и подобные определения-символы, за которыми порой ничего реального уже тогда не стояло, а были только раздутые до уровня политических установок так сказать «умственные реакции» на проблемы современности или на столетиями замифологизированные оценочные суждения и схожие «умственные реакции» интеллектуалов-предшественников. Или же и в том и во втором случаях отработанные в государственных ведомствах (избы, приказы, коллегии, канцелярии, министерства и т. п.) установки, которые, будучи брошенными в массы, в общество, а тем самым и в научный обиход, со временем обкатались, пригладились, как галька в волнах прибоя, и стали жить своей жизнью, стали не только хорошо узнаваемыми, но в силу своей «обкатанности» проникли в самые потаенные уголки человеческой памяти, восприятия, чувств.

Что и требовалось доказать! Эффект достигнут, если даже и не предполагался по прошествии столетий после всевропейского бума имперского мышления и имперских действий. Ни кратковременный период попыток утверждения национально-государственного возрождения (20-е гг. XX ст.), ни время генезиса, эволюции и увядания советского интернационализма не смогли избавить историческую терминологию от политической ее заданности, оформившейся на различных этапах царистской и императорской России. Более того, добавились новые словесные формы, научная корректность которых на сегодняшний день весьма сомнительна.

В качестве примера можно сослаться на статью известного российского историка М. В. Дмитриева, которая опубликована в ежегоднике «Белоруссия и Украина: История и культура» за 2003 год [13]. В ней автор, по-видимому стремясь как можно более точно

отразить исторические реалии XV—XVII вв., оперирует терминологией, пожалуй, только ему же и понятной. Ставя вопрос, «...в какой степени явление, называемое украинским, или русинским (руським, рутенским) «национальным возрождением» конца XVI — начала XVII в. было связано с процессами, шедшими в русской («московско-русской») культуре XVI в.?», автор как бы не уверен в правомерности однозначного использования известных терминов. А поэтому в скобках приводит их возможные аналоги. С этим приемом нельзя не согласиться. Однако затем, отвечая на им же поставленный вопрос, историк вдруг все объединяет украинскую и белорусскую историю посредством им изобретенной терминологии: «православие украинское (или украинско-белорусское)», «украинско-белорусское общество» и т. д. А рядом речь ведется о православной культуре некой «Литовско-Польской Руси», хотя время от времени используются и выражения иного смыслового и политического порядка: «ученая культура Украины и Белоруссии по сравнению с Россией», «ученая культура Литовской Руси» и «ученая культура Руси Московской» (которые, как оказывается, «еще больше сблизились в результате мощных импульсов, пришедших из России эпохи Ивана Грозного»?!), «история Украины и Белоруссии» (это применительно к рассматриваемому времени) и т. д. И только единожды в данной пространной статье Михаил Владимирович обратился к ранее им использовавшемуся термину (длинному, но исторически точному и оправданному) — «восточнославянские территории Великого княжества Литовского и Московской Руси». Для сравнения можно привести подназвание его монографии «Православие и Реформация», вышедшей еще в 1990 г. — «Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой...» [12].

Манипулирование дефинициями и парадигмами происходит по поводу «дележа» древнерусского наследия российской, украинской и белорусской национальными историческими школами. В последнем случае для белорусской историографии важно отойти от утвердившихся за XIX—XX вв. терминологических стереотипов применительно к истории Руси — России, зачастую не оставляющих места для полноценного представления, своеобразия и уникальности истории белорусов, их культуры, государственности, общественных процессов. Представляется совершенно неприемлемым исследовать и преподавать историю Руси только с позиций истории современной России как той данности, которая в конце концов политически подавила формировавшиеся уже в средневековье ростки белорусской и украинской государственности. Не может быть доминирующей истории только победителя на определенном историческом этапе. Невозможно понять своеобразия формировавшейся в XIV—XV вв. российской государственности только принимая в расчет, что она основывалась на «русскости» Московии, но не придавая значения тому, что Московское государство было в XV в. только отчасти Русским. И его русское «наполнение» прошло ряд этапов, через присоединение и поглощение других русских территорий и государственных образований, в том числе и соответствующих русских земель Великого княжества Литовского. Но еще важнее определиться не столько с «русскостью» территорий, а их населения, чтобы не впасть в который раз в приверженность великодержавности, исключительности истории русских как великороссов.

Так, в некоторых публикациях уже конца XX — начала XXI в. белорусские земли нередко не попадают даже в число неких «цивилизованных окраин» России (хотя наряду с Финляндией, Польшей, Украиной называются также и Прибалтика, Бессарабия, Закавказье, Средняя Азия) [25]. В данном случае странен сам терминологический и, конечно, смысловой подход, когда в одном ряду приводятся названия государств и географические термины, позволяющие современным историкам игнорировать веками складывавшуюся на той или иной территории государственно-политическую данность. В работах как российских, так и зарубежных историков, на заседаниях многих круглых столов широко и подробно представлена политика России в «национальных окраинах» или же «периферийных территориях империи» [18; 24, с. 11]. При таком подходе к характеристике российской государственности получается, что она представляла собой не единое политическое целое, а «рус-

ский» (читай — московско-петербургский) центр, который постоянно стремился продвигать, навязывать и т. д. свою политику в многочисленных «нацокраинах» среди «нацменов» же и им подобным. Их определение даже в современной историографии, то есть науке (!), не поддается единому пониманию, не говоря уже о возможности идентифицировать историческое прошлое собственного государственно-политического развития народов этих территорий. Идентифицировать с тем, чтобы понять особенности «вживания» в российскую (а может быть, все-таки в русскую?!) государственность.

Поэтому неудивительно, что в белорусской (как и украинской и др.) историографии в последние годы усиливается убеждение, что современное лексико-терминологическое обеспечение научных работ (исторических, философских и др.), как и литературных и прочих, исходит в основном из традиций XIX в., когда вполне оформилась и окрепла и в теории и на практике специальная разновидность российской имперской идеологии, созданная для «Северо-Западного края» — небезызвестный «западнорусизм», теоретически «обоснованный» уже в XIX в. [21]. Уже тогда они, идеология и политика, вызвали радикализацию взглядов белорусских интеллектуалов. Сегодня нет необходимости в научном экстремизме и даже в некоем новаторстве в подходах, но

необходим взвешенный, точный анализ состояния имеющегося терминологического и понятийного аппарата, засоренного политическими установками прежних властей и уровнем мышления прошлого.

В этом смысле в который раз встает вопрос о сути и путях формирования национального самосознания, о наличии желания, способности, наконец, активности масс осуществить процесс перехода от этноса-народа к нации. Как и выявление лидеров, способных подчинить и направить активность масс, трансформировать народ в национальность. Для белорусов и Беларуси эти вопросы стали явно очерченными только в XIX в. Укрепление национального самосознания актуально и в настоящее время. Поэтому корректность в изучении и осмыслении совместного с русским и украинским народами исторического прошлого имеет в данном случае совсем не маловажное значение. История Руси и России это не только история государственности собственно русских в их современной национальной принадлежности. Для белоруса она есть неотъемлемая часть истории его предков и его земли. Его история!

Даже в последних лет издания учебниках, во множестве выходящих в Российской Федерации, уделяется мало места для взвешенной, научно обоснованной исторической терминологии, которая бы отражала взаимообусловленность исторического пути, пройденного современными русским, украинским и белорусским народами [17]. Данное утверждение можно проиллюстрировать на примере использования и трактовки понятий «Русь», «древнерусский», «русский». Характерно, что на содержание и смысл терминологического инструментария не обращают внимания и большинство белорусских историков: зачастую пользуясь им на уровне подсознания, автоматически. Еще в традиции установок Большой Советской Энциклопедии [4], подкрепленных исследованиями российских и советских историков [24, 23, 28 и др.], термин «Русь» идентичен термину «Русская земля» и оба они обозначают название «государственного образования восточных славян на среднем Днепре» в IX—X вв. [5, с. 433]. И далее Русь воспринималась как некое государственное образование, нежели этническая территория. Но еще «Повесть временных лет» в начале XII в. под «Русской землей» подразумевала изначально территорию проживания восточнославянских племен, на которую лишь затем стала распространяться княжеская власть [30, с. 22, 34]. Позднее такое наполнение этого названия однозначно закрепились, далеко выйдя за киевские пределы. Характерно, что энциклопедическая статья весьма сдержанно оговаривает тот факт, что термин «Русь» стал «основой» (и только! — *О. Я.*) понятий «русский», «русские», не уточняя временные рамки и контекст их употребления, как и политическое и этническое их содержание.

Однако «русский» начала XIII в. как человек и гражданин многочисленных противоборствующих между собой «русских» же княжеств не схож с «русским» периода полити-

ческой и культурной консолидации Руси в борьбе с игом монголо-татар второй половины XIII—XV вв., а тем более с «русским» россиянином XVI—XXI вв., когда этот термин, так сказать в «чистом» виде, исторически и в традиции был зафиксирован за, как теперь принято говорить, титульной нацией многонациональной России. Тогда политические разделы XII—XV вв. вначале способствовали национальному и даже в полной мере этническому обособлению «русских» древней Руси, приведшему к XVI в. к их разделению собственно на русских, украинцев (черкасов, малороссов) и белорусов (литвинов), а затем и к борьбе между ними за «наследие Киевщины», за право их политических предводителей обладать властью над «всея» Русью. Эта идея стала для великих князей московских катализатором в осуществлении всех внутривнутриполитических действий, находившихся в неразрывной связи с международной политикой Московии.

Таким образом, «Русские земли» — это территория Руси как территория проживания и государственно-политической эволюции восточных славян, хотя на протяжении всей истории в ее границах с ними соседствовали и другие народы. Более того, термин «Русь» постоянно эволюционизировал и вширь, обозначая все новые территории, и вглубь — наполняясь политическим смыслом в зависимости от потребностей тех или иных «русских» князей, боровшихся за расширение своей власти, в первую очередь в пределах Руси. Поэтому к концу XV в. Иван III как «государь всея Руси» претендовал на все «русские» земли как земли Руси, хотя к этому времени уже достаточно точно определилась государственная, экономическая и культурная целостность и своеобразие русских земель в составе Московского государства и русских земель в составе Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского. Только с этого периода можно с полным основанием говорить о московской государственности как русской, в современном значении этого термина.

Русская государственность с XVI в. — она же государственность российская. Она не только отразила объединение значительной (но далеко не всей) части земель древней Руси, скрепленных в один политический и социально-экономический организм с помощью сильной и организованной системы власти с ее постоянно нарастающей централизацией, «самодержавством», но и все более становилась многонациональной, в полном смысле российской. Тем более что эти политические процессы развивались параллельно с процессами обособления, самоидентификации многочисленных этносов, проживавших на восточноевропейском и азиатском побережье. Они в полной мере затронули и собственно некогда вполне единую восточнославянскую этническую общность. С этого времени без излишних оговорок можно называть именно русскими ту часть населения древней Руси, которая ранее была «москвитами», и ту, которая в процессе политических акций рубежа XV—XVI вв. включалась под скипетр великого князя «всея Руси» (новгородцы, тверичи, рязанцы, псковичи и др.). Но стремление к обладанию «Киевским наследием» с XVI в. постепенно превратилось не в цель, а в мотивацию, в некое юридическо-публицистическое обеспечение и сопровождение почти всех внешнеполитических акций.

Не хотелось, чтобы этот «угол зрения» политиков Средневековья и Нового времени доминировал в научных построениях историков XXI в. Нельзя не принимать в расчет и исторически сложившуюся ментальность политических элит России, воздействие на общественное мышление традиционалистических концепций «особой миссии России», «Москвы как третьего Рима» и т. д. Отсюда вопрос, которым была обуреваема власть (от великих князей московских до российских императоров), о необходимости отвоевания «дедин и отчин» и «собираания русских земель», защиты «русского» народа, где бы он ни находился. В добавление к этому — идея панславизма, необходимость единения православного мира, колониционное продвижение во всех направлениях. Все эти характеристики российской внешнеполитической доктрины сопровождались не только активной дипломатией и военными мероприятиями, но и политикой унификации административных и законодательных систем на присоединяемых территориях, а в своей основе — русификацией [25].

Определенное несогласие существует в историографии даже по поводу названия самих этносов, территорий их расселения в ту или иную историческую эпоху, названий их языков (и даже высказывание сомнений, как отмечалось выше, по поводу правомерности считать их таковыми — отличными от языка современного русского). Для белорусского историка, за редким исключением, безусловная данность — использование в общественной и государственной практике Великого княжества Литовского, по определению Е. Карского [20], «старобелорусского» языка. В то же время этот язык, как отличный от схожих, и документы, и современники называли русским. В тогдашнем историческом контексте речь могла идти о разном наполнении (как языковом, так и политическом) слова-термина «русский». В первую очередь, исходя из понимания того, что в позднем Средневековье «русскость» формировалась в 2—3 зонах, что и привело в итоге к фиксации трех ветвей братских восточнославянских народов-этносов. Те местные особенности и отличия, которые в эпоху раннего Средневековья были уже заметны хотя бы же в силу огромного пространственного размещения (и разобщения) восточнославянских племен, но не могли конкретизироваться политически из-за элементарной неразвитости институтов государственности, уже с XIV в. зафиксированы в нескольких более или менее прочных государственно-территориальных рамках. И это был взаимообусловленный процесс и закономерный итог его протекания.

Но в утвердившейся политической разобщенности на все последующие столетия во взаимосвязях то ли Великих княжеств Московского и Литовского (не упускавших случая фиксировать свои «русские» начала и сущность), то ли России и Речи Посполитой (с огромными территориально, политически и экономически значимыми «восточными крэсами» последней), как и период СССР, а тем более на современном этапе «парада суверенитетов» шла и продолжает идти то явная, то скрытая борьба за право быть ближе к единому древнерусскому наследию, считаться главным, а то и единственным его наследником. Это углубляется как рецидивами имперского мышления, так и гипертрофированным, но еще далеко не устоявшимся чувством национального самосознания, «возрожденчества» даже того, что в исторических реалиях едва ли просматривается или же просто не может быть возрождено в силу не соответствия новому времени (например, бесплодность возврата книжного «русского» языка эпохи ВКЛ в начале XIX в. или же попытки внедрения в современный обиход «тарашкевицы»). С другой стороны, нельзя не принимать в расчет очевидную в обозримом историческом прошлом политику сдерживания национально-государственных устремлений белорусов, что проводилась и самодержавной Россией, и советскими властями. Так, известно, что уже в 1921 г. белорусские власти не были даже допущены к обсуждению условий Рижского мирного договора: за них вопросы, непосредственно касающиеся Беларуси, по своему усмотрению решали с польской стороны представители от советских России и Украины [37, s. 171—173].

Вновь и вновь приходится убеждаться, что процесс формирования белорусской этнической идентичности, а тем более государственности, долог, запутан и всегда находился под спудом или «ВКЛовской» этнической пестроты и неразвитости, или политики послаблений и системы сдержек времен Речи Посполитой и Российской империи, а также в период СССР, когда еще не устоявшееся национальное самосознание белорусов должно было одновременно не только крепнуть, но и эволюционизировать в сторону реализации идеи-установки о «едином советском народе» (вполне сравнимой, но в расширенном формате, с «большой русской нацией»). А ведь эти идеи и при бурном суверенном развитии стран постсоветской эпохи снова становятся доминантой в значительной части современной исторической литературы, не говоря уже о сферах политики, средств массовой информации, общественного сознания.

И это данность. Но все же хотелось бы, чтобы язык науки отличался от языка газет, телеведущих и политиков. Но для этого необходима не только научная компетентность, но и научная этика, понимание проблем, стоящих перед национальными историческими

школами. Точно так же представителям последних нет необходимости изобретать псевдорадикальные теории, облачая их в столь же «новый» терминологический аппарат. Хотелось бы думать, что историко-патриотический подход в освещении прошлого «больших» и «малых» родин может (и должен) позволить найти компромисс во всем, в том числе и в использовании терминов, дефиниций.

Обращение к словам «земля» или же «территория» снимает политический аспект дефиниций, отражающих начальный этап становления восточнославянских этносов, народностей, наций и их государственности. Условность, заключенная в определениях «история Беларуси» или «история Украины» применительно к средневековью, всем понятна, хотя порой эти дефиниции используются без должной необходимости [36] или же, наоборот, просто заменяются на подобие «меж Русью и Литвой» [22]. Так, вполне резонно уже в совершенно «свежем» издании, обращаясь к заинтересованному читателю, белорусские историки, в очередной раз пытаюсь пространно обосновать границы «этнической территории белорусов», подчеркивают факт «подвижности границ Беларуси в исторической ретроспективе» и факт, что «все этнические белорусские земли» так и не смогли закрепить в своих границах ни БНР, ни БССР (продолжение этого перечня отсутствует) [11, с. 3—4]. В контексте наших рассуждений вновь приходится убеждаться, сколь «шатким» в научном плане является дефиниция «Беларусь», если ею оперировать применительно и к векам давним, когда такой государственности и в помине не было, и даже к началу века XX, когда она только пыталась обрести свои и границы, и общественно-политические особенности и институты. Конкретно-исторические реалии с их тогдашним терминологическим наполнением не дают права историкам новыми современными, порой надуманными, дефинициями вытеснять дефиниции, так сказать «старосовременные». Конечно, если таковые сохранили источники. В противном случае, идет бесконечный процесс создания исторического терминологического «новояза», типа «Киевская Русь» и «Древнерусское государство», как обозначения государственно-политического единства всех восточных славян, или же «белорусско-литовское» и «литовско-белорусское» государство как синонимы не менее «единой» «балтославянской дзяржавы» [2, с. 124]. Скепсис, давно имевший место в научной среде по поводу однозначной трактовки начальных этапов истории древнерусской государственности, основывающейся на полулегендарных отрывочных и противоречивых сведениях немногих источников, усиливается в последнее время, затрагивая и область дефиниций. Например, нередко можно встретить в научных изданиях, претендующих на отражение выверенных и объективных точек зрения и подходов, заявления о том, что «Киевская государственность — это выдумка не обладающих воображением историков...», а Русская земля по Нестору-летописцу есть только «...пространство, не имеющее этнической прикреплённости...». И из этих рассуждений следует вывод, что «Парадигма «святорусской земли», т. е. религиозно-имперского пространства с устранимым монархическим центром, также продолжает жить в XIX—XX вв.» [14, с. 11—12, 26].

Поэтому вполне корректна, с научной точки зрения и с позиций современных политических реалий, терминология, которая стала использоваться исторической картографией: «территория Украины» и «территория Беларуси», «украинские земли» и «белорусские земли», но не «Украина» и не «Беларусь» как некие политические данности периода Средневековья [32, 1]. И даже Новое время отображено в названиях карт, как «Економічний стан українських земель у другій половині XVII ст.» или «Адміністративний устрій українських земель у 1861 р.». В то время как современность подается на картах, которые несут в себе название украинской государственности (как вершина — «Національні Атлас України» и «Нацыянальны Атлас Беларусі») [32, с. 228, 242; 25]. Правда, схожий подход в белорусской картографии не всегда строго выдерживается, и в 2005 г. можно встретить обозначение новосоставленной карты типа «Беларусь у гады Паўночнай вайны» [1, с. 21].

Целесообразность исследований, в которых анализируется «ответшавшая риторика», используемая путем манипуляций словом для «переписывания задним числом нацио-

нальной истории» [8], очевидна. В определении же глубинных основ России как феномена историография и философская мысль во все времена пытались все же их «умом постичь». Акценты и предпочтения терминологического (конечно, и смыслового) порядка у авторов самые разные. Кто обращается к «имперской составляющей» ее сущности, кто отдает предпочтение «корпоративности и полиэтничности», «традиционализму», «смешению и взаимопроникновению культур», «трансформации цивилизационных основ развития местных народов» [16, с. 8, 11], демонстрируя тем самым вполне развившийся российский «регионализм». Ряд российских историков привлекает более всего «история рабства», других — «история величия» России, а кто-то отдает предпочтение гиперболизации реформ-модернизаций или по-прежнему отстаивает непреходящее значение народной любви и гнева народного по отношению к власти. Устав от традиционных подходов, историки начинают искать истину, которая должна раскрыть самое сокровенное, что во все времена было свойственно истории России, в некой теории «развилки», ею преодоленных [19], а более того — вообще пытаются доказать, что «двухсотлетняя эпоха «истории как науки» завершается, а «национальная история» сможет «прокормить» еще пару поколений историков» [4]. И если последнее утверждение принадлежит кандидату наук, то доктор (правда, экономических) наук безапелляционно рассуждает не только о «национальной дурости некоторых великороссов», но, «опираясь» на историю, пытается уличить в «дурости» «братские соседние республики, где нациообразование идет семимильными шагами» [27].

Слово было и остается символом исторических фактов, явлений, процессов. Оно может отразить как историческую правду, а тем самым способствовать пониманию и разрешению современных вопросов общественного и политического развития, так и быть формой реализации чьих-то идей, установок, основывающихся на субъективном восприятии прошлого и настоящего, но ставящих чуть ли не мессианские цели, а на деле только углубляющие цивилизационные разрывы. Вполне резонно замечание, высказанное еще в 1918 г. знаменитым физиологом И. П. Павловым в лекции «О русском уме», о том, что «...русская мысль... нисколько не проверяет смысла слов, не может смотреть на подлинную действительность. Мы занимаемся

коллекционированием слов, а не изучением жизни». И далее, говоря о необходимости проявления свободы мысли, о ее беспристрастности, он не без оснований утверждает, что без этого невозможно постичь новое в науке, а поэтому, восклицает Иван Петрович, «...до какой степени мы живем фантастически!» [38].

Если продолжать говорить об этих «фантастических» построениях в языке истории, о так сказать терминологических частностях, то поражает упорство различных поколений историков, не говоря уже о СМИ и политиках, деятелях культуры, которые, например, события Смуты неизменно увязывают с «поляками» как оккупантами Кремля. Не удивительно, что в исторической литературе достаточно расхожим является утверждение о том, что Россия всегда рассматривала Польшу как потенциального врага [34, с. 34; 10]. Однако если попытаться восстановить историческую правду и определять силы, которые оккупировали часть России в начале XVII в., занимали не без помощи самих россиян московский Кремль, предъявляли претензии на российское царство, то, называя их как польско-литовско-белорусско-украинские (конечно, в современном определении тогдашних этносов, шедших с оружием в руках рядом с поляками на Москву), мы не столько пойдем наперекор устоявшемуся в науке [29] и утяжелим дефиницию, но и вторгнемся в тонкую область современных политических реалий. Так что лучше и далее использовать обкатанные временем антипольские (а, соответственно, в широком смысле — антирусские) определения? А тем более, возможно ли это делать белорусским, как и украинским, литовским историкам? Или все же, считая историю наукой, называть вещи своими именами, даже если это потребует использования тяжелых лексических конструкций? Так делает это известный историк Б. Н. Флоря. В одной из новейших публикаций применительно к периоду Смуты он однозначно употребляет в одном смысловом ряду определения «общество польско-литовское» и «общество русское» (а также «польско-литовская сторона», «польско-

литовский гарнизон»). Но и он время от времени рассматривает «русско-польские отношения» и ведет разговор о положении «польского гарнизона» в Москве, правда, в свете взглядов «польско-литовского общества» [33, с. 47, 49, 51]. Схожий терминологический «разброс» свойственен и почти всем публикациям в специальном номере журнала «Родина», посвященном проблеме «Смута в России. 17 век». Так, вполне резонно обозначив «попытки гетмана Ходкевича пробиться к осажденному в Кремле польско-литовскому гарнизону», тут же говорится о «сохранении под властью поляков и «литовских людей» (здесь именно в кавычках?! — О. Я.) Смоленска и Чернигова» [31, с. 7]. В обращении с подобными дефинициями краткость не всегда равна исторической точности и правде?

Как можно судить, однозначного ответа на подобные вопросы еще не нашел ни один историк. Нет и устойчивого восприятия «ремесла» историка как проявления «чистой науки» Истории, а может быть, стремления утвердить ее как некую «учительницу жизни» или же как «основу государственной идеологии». Этого восприятия нет ни в обществе, ни среди самих историков. И в их среде в различных обстоятельствах доминируют то одни, то другие подходы к сфере своих профессиональных интересов. В зависимости от подхода, как можно полагать, и используются те или иные термины, парадигмы, дефиниции, не говоря уже о соответствующих «злобе дня сегодняшнего» наборах нужных фактов и схем (наличие элементарной научной компетентности предполагается априори). И это реальность, это «специфика» труда историка, как и самой науки Истории. И как все это преодолеть? Нет ответа...?

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас: гісторыя Беларусі, XVI—XVIII стст. [Карты]. Мн., 2005.
2. Беларусь у Вялікім княстве Літоўскім. Стэнаграма пасяджэнняў Міжнароднага круглага стала, якія адбыліся ў Мінску 6 красавіка 1992 г. Мн., 1992.
3. Берков В. Ф. Язык науки // Атэстацыя. 2005. № 1.
4. Бойцов М. История закончилась. Забудьте // Культура. 2005. 11—17, 18 авг.
5. Большая Советская Энциклопедия. Т. 22: СССР. М., 1975.
6. Булгаков В. В. Проблема нацыянальнай свідомасці у білоруськай філосафскай культуры кінца XIX — пачатку XX ст. (па матэрыялі мастацкай літаратуры. Автореф. дис. канд. філос. наук. К., 2004; Микulich Т. Н. Этноязыковые процессы и система национального самосознания (на материале Беларуси). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Мн., 1991; Богданович А. Б. Формирование этнического самосознания белорусов (IX — первая половина XVIII в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1999; Кулевич І. Р. Беларускі нацыянальны рух (1902—1925 гг.): гістарыяграфія праблемы. Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мн., 2004; Райчонак А. А. Станаўленне беларускай дзяржаўнасці ў кантэксце розных ідэалагічных прыярытэтаў (1917—1927). Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мн., 2004; Унчук А. У. «Наша Ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906—1915 гг.). Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мн., 2005 и др.
7. «В современной России нет определенной языковой политики...». Интервью с В. Алпатовым // Ab Imperio. 2/2005.
8. Гусейнов Г. Карта нашей родины: идеологема между словом и делом. М., 2005; Его же. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х годов. М., 2004.
9. Глембоцкий Х. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи // Ab Imperio. 2/2005.
10. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX). М., 1999; Giza A. Polaczkowie i Moskale: wzajemny oglad w krzywym zwierciadle (1800—1917). Szczecin, 1993.
11. Демаркация западной границы Российской империи (1796). Документы и материалы / Авт.-сост.: А. М. Лукашевич, Н. А. Заикин. Мн., 2005.

12. *Дмитриев М. В.* Православие и Реформация: реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990.

13. *Дмитриев М. В.* Православная культура Московской и Литовской Руси в XVI в.: степень общности и различий // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2003/Гл. ред. Б. Н. Флоря. М., 2003.

14. *Живов В.* Два пространства русского средневековья и их позднейшие метаморфозы // Отечественные записки. 2004. № 5(20).

15. Известия. 2005. 8 июня; 23 июня; 24 авг.; 16 сент.; 22 сент.; 2 нояб. и др.

16. История Мордовии. От эпохи Великих реформ до Великой Российской революции / Под ред. проф. Н. М. Арсентьева и В. А. Юрченкова. Саранск, 2005.

17. История России: В 2 т. / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 2005; *Семенникова Л. И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1996; *Преображенский А. А., Рыбаков Б. А.* История России: Учебник для 6—7 классов. М., 1997; *Буганов В. И., Зырянов П. Н.* История России, конец XVII—XIX: Учебник для 10 класса. М., 1999.

18. *Каппелер А.* Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. № 2; *Трепавлов В. В.* Три столетия территориального расширения России // Там же.

19. *Карацуба И., Курукин И., Соколов Н.* Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: От Рюриковичей до олигархов. М., 2005.

20. *Карскі Я.* Беларусы. Мн., 2001.

21. *Коялович М. О.* Историческая живучесть русского народа и его культурные особенности. СПб., 1883; *Его же.* История русского самосознания: По историческим памятникам и научным сочинениям. 4-е изд. Мн., 1997.

22. *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995.

23. *Мавродин В. В.* Происхождение русского народа. Л., 1978; *Флоря Б. Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья — раннего Нового времени // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997; *Его же.* Некоторые соображения о этническом самосознании предков современных белорусов // Русь — Литва — Беларусь. М., 1997; Украинцы. М., 2000; Восточные славяне в XVII—XVIII веках: этническое развитие и культурное взаимодействие // Славяноведение. 2002. № 2; *Цвікевіч А.* «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX — пачатку XX в. Мн., 1993; *Пилипенко М. Ф.* Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Мн., 1991; *Рогалёв А. Ф.* Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической истории). Гомель, 1993; *Козляков В. Е.* Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. — конец 20-х гг. (На материалах России, Беларуси, Украины). Мн., 2001; *Терешкович П. В.* Этническая история Беларуси XIX — начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Мн., 2004; *Смальянчук А. Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864—1917 гг. Гродна, 2001.

24. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

25. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления // Отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. М., 1998.

26. Нацыянальны Атлас Беларусі. Мн., 2002.

27. *Ореховский П.* О национальной дурости некоторых великороссов // Известия. 2005. 10 нояб.

28. *Панков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород, 2004.

29. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. 5-е изд. М., 1994; Вернадский Г. В. Московское царство / Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. Тверь, 2000; Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. I: Книга сеунчей и документы Разрядного приказа о походе Лисовского / Под ред. Б. Н. Флоры. М.; Варшава, 1995.

30. Повесть временных лет / Подготовка текста О. В. Творогова, перевод Д. С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978.

31. Родина. 2005. № 11.

32. *Сосса Р. I.* Картографування території України: історія, перспективи, наукові основи. К., 2005.

33. *Флоря Б. Н.* Общественное движение в России в годы Смуты и Речь Посполитая // *Zycie jest wszędzie... Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej. Zbiór materiałów z konferencji 16—17 września 2003 r.* Warszawa / Pod red. A. Brus. Warszawa, 2005.

34. *Якубчак А.* Польша и Россия в конце XX века. М., 1998.

35. Ab Imperio. 3/2004; 2/2005.

36. *Laniec St.* Białoruś w drugiej połowie XIX stulecia. Olsztyn, 1997.

37. Трактат покою между Polska a Rosja i Ukraina z załącznikami // Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918—1939. Т. I. 1918—1932. Warszawa, 1989.

38. e-mail сайта: info@duel.ru; e-mail редакции газеты «Дуэль»: gaseta@duel.ru